

Насущной задачей Византии являлось установление сильной центральной власти, чего нельзя было добиться без отчаянной борьбы с политическим господством крупных феодалов. События начала гражданской войны показали, что без поддержки широких демократических кругов победы добиться нельзя, что в действительности центральное правительство патриарха Иоанна Калекки, Апокавка и Анны поддерживали не феодалы, а «средние» и «нижние» слои общества. Социальная борьба против феодалов и их привилегий соединилась с политической задачей создания централизованного национального государства. Совершенно ясно, что в такой обстановке идеология «безмолвничества», отрешения от мирских интересов, в «умной молитве» и в «омфалоскопии» была спасением для феодалов и убийственной для разрешения национальных задач. Это понимали такие люди, как сторонник объединенного централизованного государства, в котором не было бы места для автономии феодалов, фессалоникский юрист, судья Константинопул; к противникам паламитов принадлежали многие представители фессалоникской интеллигенции — Матвей Властарь, Фома Магистр и др. (стр. 124). Непримирым противником идеологии психастов стал и гуманист историк Григора. Мейендорф старается доказать, что ни Анна, ни Апокавк не были настроены против Паламы и сдерживали суровые меры патриарха Иоанна Калекки по отношению к паламитам. Конечно, Апокавк и Анна вовсе не желали, чтобы их укоряли в отступлении от принятого собором постановления об анафематствовании идей Варлаама, но все-таки они держали под арестом Паламу. Мейендорф объясняет это только тем, что Палама поддерживал Кантакузина, т. е. лишь политическими соображениями, и в доказательство приводит сообщение Григоры⁴. Но Мейендорф как бы не заметил конца фразы: в ней говорится, что патриарх Иоанн увлек императрицу Анну и она нашла монахам Афона, что Палама арестован за то, что он находится в связи с Кантакузиным и «мутит церковь» — *ταράττειν τὴν τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίαν...* Это показывает, что на определенном этапе и Анна, и Апокавк резко выступали против паламизма. Однако слишком ученая, интеллигентская идеология антипаламитов была непонятна народу, а демагогическая проповедь паламитов могла более импонировать массам. И Апокавк, и Анна не решились действовать столь решительно, как патриарх. Нужно также отметить, что борьба против Кантакузина и феодалов окончилась не после убийства Апокавк в Константинополе, а после того, как Анна перестала поддерживать патриарха Иоанна в его борьбе против Паламы, после низложения Иоанна в феврале 1347 г. Не Алексей Апокавк, а патриарх Калекка был как бы душой борьбы против клики Кантакузина.

В противоречии со своим основным положением об отсутствии связи политических событий с религиозной борьбой Мейендорф приводит ряд ярких фактов, свидетельствующих как раз об обратном. В конце 1345 г. (т. е. уже после гибели Апокавк, когда, как известно, произошли массовые убийства приверженцев Кантакузина из числа знати в Константинополе и особенно в Фессалонике) патриарх Иоанн назначил митрополитом в Фессалонику вместо Макария Гиацинта. Макарий, который в 1342 г. получил Фессалоникскую митрополию, как враг Кантакузина, впоследствии стал переходить на сторону врагов центрального правительства (возможно, одновременно с сыном Апокавк). Вновь назначенный митрополитом Гиацинт был страстным противником Паламы, он преследовал «благочестивых граждан» и монахов — сторонников Паламы. Эти преследования паламитов слились с преследованиями кантакузинов в конце 1345 и в 1346 г. Именно тогда Арменуол резко выступил против Паламы, присоединившись к той политике, которую проводили зилоты после массовых убийств знати. Только в 1347 г., уже после низложения патриарха Иоанна, Константинопол Арменуол несколько изменил свою позицию: он стал выступать и против Паламы, и против Акидины (стр. 123). Как известно, 1345—1346 гг. были ознаменованы военными победами Кантакузина (или, вернее, его турецких союзников). И как раз в это время патриарх Иоанн развил самую решительную деятельность против паламитов. Эта «политика силы» (как выражается Мейендорф), проводимая патриархом Иоанном как в Фессалонике, так и в других местностях, не принесла правительству Анны пользу; наоборот, Кантакузин стал приобретать новых сторонников.

Позицию Алексея Апокавк Мейендорф несколько искажает, Кантакузин в своих мемуарах⁵ считает, что Апокавк был враждебно настроен к Паламе. Мейендорф оспаривает это, приводя письма Паламы, в которых тот с почтением отзывается об Апокавке. Но нельзя забывать, что Палама писал письма в заточении и не мог бы писать иначе. То обстоятельство, что Апокавк был противником более суровых мер в отношении Паламы, совершенно понятно: Апокавк не желал создавать ему ореол мученичества, так как это могло бы очень повредить правительству. Мейендорф также пытается показать Паламу не как сторонника Кантакузина, а как миротворца, стремящегося к миру между враждующими сторонами. Но странно, почему Палама не обращался

⁴ Nicephori Gregorae Historia Byzantina. Bonnae, vol. II, p. 780.

⁵ Joannis Cantacuzeni Eximperatoris Historiarum libri IV. Bonnae, 1828—1832, vol. II, p. 106—107.